

Константин Леонтьев и Николай Бердяев: созвучия и диссонансы

Интерес мыслителей и поэтов Серебряного века к жизни и наследию Константина Леонтьева известен¹. С одной стороны, в Леонтьеве привлекали его парадоксальность и налет «нищезанства». С другой стороны, философов, как в свое время и славянофилов, отталкивал леонтьевский культ государственности в сочетании с органической теорией. «Западники отталкивают его с отвращением, славянофилы страшатся принять его в свои ряды...» – писал В.В. Розанов².

В бердяевской статье 1905 года Леонтьев – это «философ реакционной романтики», чья реакционность граничит с «таинственным каким-то революционерством»³. Бердяев писал: «Леонтьева я решаюсь назвать сатанистом, надевшим на себя христианское обличие»⁴. Для Бердяева это «страшный писатель», ищущий в христианстве черты «мрачного сатанизма», родственные его «больному» духу. Особый акцент делался на интеллектуальном одиночестве мыслителя, поскольку современники «видели только поверхность его идей, схожую с катковщиной, и не понимали его мистической глубины, его безумной романтичности»⁵.

В своих аналогиях Бердяев и Розанов были не одиноки. Философ-декадент Ф.Ф. Куклярский в 1912 году написал работу с характерным названием «К. Леонтьев и Фр. Ницше как предатели человека», охарактеризованную Розановым как лучшую в русской литературе оценку Леонтьева. Бердяев неоднократно писал о том, что Леонтьев предвосхитил Ницше, сформировав особое мирозерцание – «эстетический аморализм». Литератор А.А. Закржевский

¹ См.: Ковешникова Н.А. Идеи К. Леонтьева в культуре Серебряного века. Диссертация ... канд. культурологии. М., 2000.

² Розанов В.В. Сочинения. М., 1990. С. 192. Ср. с мнением Н.А. Бердяева о том, что Леонтьев не имел почти ничего общего со славянофилами.

³ Бердяев Н.А. К. Леонтьев – философ реакционной романтики // К.Н. Леонтьев: pro et contra. Личность и творчество Константина Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей 1891–1917 гг. СПб., 1995. Кн. 1. С. 209.

⁴ Там же. С. 220. Ср. с мнением Д.С. Мережковского о Леонтьеве: «Какой удивительный и чужой, и родной человек! <...> темный гений. Есть такие. В нем – первозданный металл радий. Принцип разрушения. Потому-то он так и тщился быть охранительным и консервативным... Сам себя боялся. Л<еонтьев> – вот настоящий сатанист... В сущности вся его эстетика – сатанизм, садизм (Ставрогин). <...> Л<еонтьев> – самое русское явление. <...> В нас Л<еонтьев> отомщен». Цит. по: Фетисенко О.Л. «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики: (Идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках второй половины XIX – первой четверти XX века). СПб., 2012. С. 462.

⁵ Бердяев Н.А. К. Леонтьев – философ реакционной романтики // К.Н. Леонтьев: pro et contra. С. 209. Характерно, что при подготовке друзьями и почитателями Леонтьева сборника статьей, посвященных его памяти (вышел в 1911 году), предполагалось участие в нем Бердяева. См.: Фетисенко О.Л. «Гептастилисты» Константин Леонтьев, его собеседники и ученики... С. 737.

видел в Леонтьеве человека Запада, считая, что «ницшеанство» присутствовало в его взглядах даже в большей степени, чем в работах самого Ницше. Философ С.Л. Франк издал в Германии в 1928 году статью «К. Леонтьев – русский Ницше». Сходство идей Леонтьева и Ницше отмечали богословы С.Н. Булгаков и Г.В. Флоровский. Эта точка зрения характерна и для западных исследователей, не случайно В. Шубарт уверенно называл Леонтьева «русский Ницше», не сомневаясь в правильности такой оценки. Современные исследователи также уделяют внимание этому вопросу. О.Л. Фетисенко недавно нашла точные сведения о знакомстве Леонтьева с сочинениями Фридриха Ницше¹.

Но мнения современников также не были чем-то застывшим. Происходящие события заставляли их по-другому посмотреть на воззрения своих политических оппонентов. Это, в частности, касается оценки Леонтьева представителями отечественной религиозно-философской мысли начала XX века, которые подвергли резкой критике леонтьевское понимание христианства. В 1926 году Бердяев выпустил в Париже фундаментальную работу «К.Н. Леонтьев (Очерк из истории русской религиозной мысли)»².

Оценка политических взглядов Леонтьева в этой работе уже иная, чем та, которой Бердяев придерживался до крушения императорской России. Стремление к сильной государственности, призывы к иерархии и дисциплине если и не получили полного одобрения, то во всяком случае стали рассматриваться с пониманием и сочувствием. Аналогичным образом отнеслись к Леонтьеву и многие другие русские эмигранты-интеллектуалы. После революционных потрясений они были склонны менее нетерпимо относиться к концепциям традиционалистов.

В другой работе, «Философия неравенства», вышедшей в Берлине в 1923 году и имевшей подзаголовок «Письма к недругам по социальной философии», Бердяев повторял многие основополагающие мысли Леонтьева. Он осуждал не только большевизм и социализм, но и либерализм с демократией. Бытие для него теперь было связано с неравенством, а качество личности и дух ставились выше количества, общества и материи. Особый акцент делается на футурологических прогнозах Леонтьева, который «провидит не только всемирную революцию, но и всеобщую войну. Он предсказывает появление фашизма. Он жил уже предчувствием катастрофического темпа истории»³. В недостаток Леонтьеву ставилось отсутствие глубинной разработанности идей и то, что он «не понимал тайны свободы»⁴. Ю.П. Иваск и другие исследователи творчества Леонтьева отмечали, что в «Философии неравенства» присутствовали те леонтьевские принципы, которые отвергались Бердяевым в его дореволюционных работах. Интересен и бердяевский упрек другому леонтьевскому биографу: «Закржевский пытается даже по-модному изобразить его [Леонтьева – А.Р.] сатанистом, что совсем уже неосновательно»⁵.

Для либеральных интеллектуалов было характерно восприятие государства как неизбежного зла. Отсюда вытекал поиск принципов для ограничения этого зла, стремление «отвоевать» у государства еще немного свободы. Они считали, что власть имеет больше возможностей для негативного проявления

¹ Фетисенко О.Л. «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики... С. 686.

² Бердяев Н.А. Константин Леонтьев (Очерк из истории русской религиозной мысли). Париж, 1926. Переиздание: Бердяев Н.А. Константин Леонтьев (Очерк из истории русской религиозной мысли) // К.Н. Леонтьев: pro et contra. Кн. 2. С. 29–179.

³ Бердяев Н.А. Константин Леонтьев (Очерк из истории русской религиозной мысли) // К.Н. Леонтьев: pro et contra. С. 95.

⁴ Там же. С. 98.

⁵ Там же. С. 110.

насилия, чем для его использования в позитивных целях. Уже в самом понятии «правовое государство» изначально закладывалось настороженное отношение к государству и власти. Не случайно Бердяев противопоставил леонтьевскому культу государственности свой культ свободы «бесконечных прав личного духа», видя цель культурного прогресса в достижении окончательной свободы и даже господстве «мистического безвластия»¹. Впрочем, современный исследователь К.М. Долгов в своей монографии «Восхождение на Афон: жизнь и мирозерцание Константина Леонтьева» резонно отметил, что можно сколько угодно восхищаться «личным духом», обладающим «бесконечными правами», но на практике государственность всегда будет влиять на эти «права», а в противном же случае наступает анархия².

Помимо культа государственности, Леонтьев отталкивал либералов своим «милитаризмом». Его взглядам на войну и военных была присуща сильная героико-романтическая окраска, наличие которой в немалой степени было связано со стремлением противопоставить героизм армейской жизни скуке литературных салонов. Бердяев верно заметил, что «любовь к войне и идеализация войны остались у К[онстантина] Н[иколаевича] навсегда. В войне он видел противоположность современной буржуазной цивилизации»³. Характерно, что и либеральные по своим воззрениям русские религиозные философы (Е.Н. Трубецкой, П.Б. Струве, И.А. Ильин) после начала в 1914 году Первой мировой войны проявили немало «воинственности». Позже, уже в эмиграции, Бердяев писал: «Жизнь в этом мире есть борьба... Война – одна из благородных, хотя и ужасных форм борьбы. Война – антиномична по своей природе, она есть осуществленное противоречие. Во имя жизни ведется война и служит она полноте жизни. И война сеет смерть. Цель войны – мир и объединение. Войны были могущественнейшим средством объединения человечества. Народы братались в кровавых распрях и в столкновениях... Война есть тьма и свет, ненависть и любовь, животный эгоизм и высшее самопожертвование. Война не может быть только добром или только злом, в ней есть и великое добро, и великое зло. Война – порождение греха и искупление греха. Война говорит о трагизме жизни в этом мире, о невозможности в нем окончательного устройства, спокойствия и бесконечного благоденствия и благополучия»⁴. Видимо, своеобразный «крен вправо» был неизбежен. Интересно и такое бердяевское мнение из «Философии неравенства»: «К возвышению личности ведет лишь точка зрения сверхличной ценности... Всякая ценность есть лишь культурное выражение божественного в исторической действительности. Божественное требует жертв и страданий. Воля к божественному в человеке не дает ему успокоения, она делает невозможным никакое благополучие на земле, она влечет его в таинственную даль, к великому. Точка зрения личного блага каждого и всех направлена к низвержению божественного, она по существу антирелигиозна. Жажда божественного в

¹ Бердяев Н.А. К. Леонтьев – философ реакционной романтики // К.Н. Леонтьев: pro et contra. С. 233–234.

² Долгов К.М. Восхождение на Афон: жизнь и мирозерцание Константина Леонтьева. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1997. Впрочем, отмечу, что и сама книга Долгова подверглась серьезному критическому анализу, в котором отмечалось, что «не слишком хорошо стилизованная церковностью вообще свойственна некоторым пассажирам книги» (Козырев А.П. Непокоренный Леонтьев // Философская газета. 2001. № 2. С. 15).

³ Бердяев Н.А. Константин Леонтьев (Очерк из истории русской религиозной мысли) // К.Н. Леонтьев: pro et contra. С. 45. Схожее отношение к войне и армии присуще и европейским правым: Юнгер Э. В стальных грозах. СПб., 2000; Он же. Излучения (февраль 1941 – апрель 1945). СПб., 2002; Эвола Ю. Метафизика войны. Тамбов, 2008.

⁴ Бердяев Н.А. Собрание сочинений. Т. 4. Духовные основы русской революции. Философия неравенства. Париж, 1990. С. 517–518.

человеческой душе действует, как пожирающий огонь, и сила этого огня может произвести впечатление демонической. Многие из вас – моралистов – видят демоническую силу во всякой исторической судьбе, в создании государств и культур, в их славе и величии. Проблему эту с гениальной остротой чувствовал К. Леонтьев...»¹. Характерно и противопоставление Михайловского и Леонтьева, который обозначен как «мыслитель более глубокий и оригинальный, чем все ваши учителя и идеологи»².

Неизбежным было и признание за консервативными оппонентами доли истины в их прогнозах. Бердяев, перечислив в своей работе «Русская идея» сбывшиеся политические прогнозы Леонтьева, дал ему следующую характеристику: «Он был реакционером, но он признавал безнадежность реакционных принципов и неотвратимость революции. Он предвидел не только русскую, но и мировую революцию»³. И, предвидя это, Леонтьев мечтал о появлении в будущей России вождей, которые смогли бы «к делу приложить» ту ненависть, которую он, по собственному признанию, испытывал к Америке. Не случайно в книге «Истоки и смысл русского коммунизма» Н.А. Бердяев отмечал, что в своей ненависти к капитализму Леонтьев «хватается за последние средства, он предлагает русскому царю ввести коммунизм сверху. Леонтьев, согласно русской традиции, ненавидит капитализм и буржуазию»⁴.

Таким образом, события начала XX века – мировая война, крушение самодержавия, гражданская война и другие – привели к изменению бердяевских оценок мировоззрения Леонтьева.

¹ Бердяев Н.А. Собрание сочинений. Т. 4. Духовные основы русской революции. Философия неравенства. Париж, 1990. С. 312–313.

² Там же. С. 315.

³ Бердяев Н.А. Русская идея. Судьба России. М., 2000. С. 178.

⁴ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 74.

И.Л. Волгин. Андрей Алексеевич Попов сказал, что 1830–1840-е годы были важны для истории русского самосознания. А возьмите 1880 год, этот рубеж, когда проходит пушкинский праздник. Никто сегодня не упомянул почвенничество. Григорьев, Страхов, братья Достоевские: что это – течение славянофильства, попытка примирить две идеологии или нечто новое, третий путь? Пушкинский праздник – это, по сути, первый русский парламент. Впервые после Земских соборов собирается русская интеллигенция. Достоевский говорит, люди впадают в истерику. Что это? Это ожидание исторического поворота. В «пушкинской» речи Достоевский формулирует почвеннические идеи («смирись, гордый человек», «служи общей ниве»), сорок пять минут овации. Все ждут бескровного выхода из революционной ситуации.

Общество показывало, что оно готово к диалогу («мы готовы отдать кандалы и вступить в диалог»). 1 февраля 1881 года, в день похорон Достоевского, была первая попытка организации гражданского общества. Похороны Толстого проходили уже под противоположным знаком – религиозным. 1910 год – это уже полный разрыв общества и власти. Две эти процессии символичны в русской истории – похороны Достоевского и Толстого. В 1881 году еще были варианты, но затем бомба Рысакова, бомба Гриневецкого, конец царствования – и всё. Соловьев, выступая в день приговора со своей лекцией, призывает к их помилованию. Присутствовавшая вдова Достоевского возмущена и кричит: «Как не стыдно? Казнить его!». Ее приятельница говорит, что он ведь изобразил Алешу Карамазова в своем лице. «Какой Алеша Карамазов, это Иван Карамазов!». Конечно, Владимир Соловьев это тип Ивана Карамазова. Вот точка невозврата. С этой бомбы начинается откат. Русская идея претерпевает большие муки. Что сказать тут?.. Леонтьев тоже выступает против «пушкинской речи» Достоевского 1880

года – в «Варшавском дневнике» он помещает статью «Наши новые христиане». Все аспекты «русской идеи» озвучены не только в романистике...

Вот три русских гения – Гоголь, Толстой и Достоевский. Им в какой-то момент становится мало литературы. Они пытаются создать новое построение жизни, новое мироустройство. Это начало русского этического максимализма, и это тоже основа русской консервативной идеи. Этим трех писателей можно назвать консерваторами. Но русский консерватизм никак не укладывается в классическую схему. Кто такой Пушкин, кто такой Толстой? Они не укладываются ни в определение Даля, ни в определение Британской энциклопедии, где консерватизм трактуется как верность традиции. Зачем смешивать консерватизм и охранительство? Это разные понятия. Суворин – кто, консерватор или охранитель? Вот Победоносцев – охранитель, несомненно.

М.А. Маслин. Хотел бы обратить внимание на любопытную импликацию русского консерватизма, совершенно неожиданную. У меня было два аспиранта из Китайской Народной Республики. Одна диссертация была Ли Хайянь по Данилевскому – «Теория культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского в России и Китае». Китайская литература нам недоступна. Второй аспирант, Лю Цзоюань, – «Метафизика русской идеи в творчестве Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьева и Н.А. Бердяева. Взгляд из России и Китая». Эти темы заказные. В Китае сейчас актуальна проблема поиска национальной идеи. Конфуцианство перестает их удовлетворять, да это и не национальная идея, это ритуал и традиции. Они в состоянии поиска. Я в двух всекитайских конференциях историков русской философии принимал участие. Чжан Байчунь – ведущий автор там, пишущий на эти темы. Для чего им русская философия? Они отвечают, что через Россию

они хотят понять Запад. Это само по себе интересно. Кроме того, они хотят что-то в своей архитектонике национальной идеи взять у русских консерваторов. Бердяев переведен на китайский язык больше, чем на английский. Чжан Байчунь перевел даже «Опыт эсхатологической метафизики». Можете себе представить? Такого перевода нет на английском языке, а на китайском есть.

И.Л. Волгин. Поскольку доминантой этой секции является «русская идея», для терминологической точности и чтобы генетически подойти к Бердяеву, хотел бы уточнить: у Достоевского в предисловии к журналу «Время» 1861 года встречается сочетание «русская идея», которую он понимает как способность синтетизировать. Соответственно, здесь мы должны включать «русскую идею» в контекст почвенничества, когда Достоевский хочет сформировать повестку дня, задать новую идеологию, так как, с его точки зрения, славянофильство и западничество изжили себя. Какая основная смысловая доминанта здесь присутствует? Русская идея есть способность к всеотзывчивости. Русский человек (если брать цивилизационный контекст) должен стать всеевропейцем, не доминировать над Европой, но стать новым лидером, который поведет Европу.

Что же касается Бердяева, его «Русская идея» практически мгновенно была переведена на английский язык, причем отдельное издание было в Англии и отдельное в США, с комментариями, предисловиями, с откликами по англоязычным журналам. На какое-то время

бердяевская «Русская идея» стала своеобразной картинкой России, временами это была «камера-обскура». Что такое Россия? Это сквозь призму бердяевской «Русской идеи».

И Бердяев, и тема «русской идеи» оказались настолько популярны, что в 2012 году один новозеландец в Великобритании издает роман под названием «Русская идея»¹, суть которого заключается в том, что формируется некоторая сетевая структура по глобальному продвижению в мире «русской идеи» сквозь призму Бердяева. По жанру это триллер. То есть настолько продаваемым образом стала «русская идея», что она вошла в масскультуру.

Еще одно замечание, по поводу доклада о Бердяеве и Леонтьеве. Бердяев весьма уверток, он в чем-то невротический персонаж и боится каких-то маркировок «я социалист», «я коммунист». Даже если он скажет, что он персоналист, то через пять страниц от этого откажется, потому что страшно боится маркировки, стигмации. Но когда мы читаем его работу о Леонтьеве, когда он разбирает переход Леонтьева в сторону консерватизма, он делает это любовно, потому что на другом это рассматривает. На примере себя он это боится делать – даже если поймает себя на симпатии к консерватизму, он испугается. Поэтому, вскрывая консервативные моменты Бердяева, надо работать не с ним самим, не с его манифестациями, а там, где он в сторону смотрит, проводит аналитику социализма, коммунизма, так сказать, «работает на стороне» Там есть интересные идеи – и критические по отношению к консерватизму, и позитивные.

¹ Evans, Steve. The Russian Idea. Smashwords, 2012 [электронное издание].